

КАРАИМСКИЕ

Karaite News • Къарай хабэрлер

ВЕСТИ

Издается с 1994 г. Московским культурно-просветительским национальным обществом крымских караимов
№ 6 (87) декабрь 2008 года, дополнительный выпуск

Серайя Маркович Шапшал – один из виднейших крымских караимов XX столетия, известный учёный-тюрколог и ориенталист, общественный и религиозный деятель, караимский гахам. Его карьера началась в 1901 г., когда он после окончания Восточного отделения Петербургского университета поехал в Персию преподавать русский язык наследнику шахского престола Мохаммеду-Али. Благодаря своим выдающимся личным качествам Шапшал сумел настолько расположить к себе наследника, что стал его незаменимым помощником, советчиком и другом семьи. Поэтому с воцарением на престоле в 1907 г., Мохаммед-Али-шах присвоил ему титул Эдиб-ус-Султана, чин генерал-адъютанта и назначил министром своего Двора. На таком высоком посту Шапшал смог принести значительную пользу российскому государству. Его заслуги были по достоинству отмечены высокими российскими наградами, а по возвращении в Россию в 1908 г. он получает аудиенцию у императора Николая II и становится добрым знакомым его семьи. Карьера Шапшала как учёного, преподавателя и общественного деятеля успешно развивалась, и его служению науке и своему народу не смогли помешать ни русская революция, ни обе мировые войны. Он внёс весомый вклад в развитие ориенталистики, караимики, языкознания и этнографии.

Интерес к жизни и творческому наследию Шапшала – этого выдающегося представителя крымско-караимского народа не ослабевает и сегодня. Поэтому представляются весьма интересными и результаты недавней поездки в Иран главного редактора «Караимских вестей» по местам службы Шапшала в начале XX века. Материал богато проиллюстрирован как старинными снимками столетней давности, так и фотографиями автора, сделанными в 2008 году в Тебризе и Тегеране.

Редколлегия вестника «Караимские вести»

С. М. ШАПШАЛ В ПЕРСИИ

Путешествие по «шапшаловским» местам 100 лет спустя

«Камни прошлого – ступени в будущее»

Н. Рерих

Идея путешествия в Иран по местам событий 100-летней давности, в которых принимал непосредственное участие Серайя Маркович Шапшал, зародилась у меня несколько лет назад, когда я приступил к углублённому изучению «персидского» периода его жизни. За несколько месяцев напряжённой работы в библиотеках и архивах Москвы нашлось очень много интересных документов, особенно в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) при Министерстве Иностранных Дел РФ. Они касались непосредственно самого Шапшала и событий, происходивших в этот период, являющийся важнейшим этапом жизни будущего гахама всех крымских караимов и известного учёного-ориенталиста и общественного деятеля.

Изучались документы, начиная с января 1901 г., когда 27-летний Серайя Шапшал приехал в столицу

Иранского Азербайджана г. Тавриз (ныне Тебриз) по приглашению Наследника персидского престола Мохаммеда-Али. 28-летний Наследник был женат и имел двух маленьких сыновей в возрасте одного и двух лет. Мохаммед-Али по традиции управлял азербайджанской провинцией, откуда была родом каджарская династия шахов, более 100 лет правивших Персией. Наследник укреплял связи с Россией, мечтал побывать в ней и решил изучать русский язык. Для этого и был приглашён из Петербурга Серайя Шапшал, готовившийся в то время к работе в качестве профессора – преподавателя тюркских языков на Восточном отделении Санкт-Петербургского университета, которое он закончил с отличием в 1899 г. по курсу арабско-персидско-турецко-татарского языков.

Серайя Шапшал с Валиахдом Мохаммедом-Али и его сыном Ахмедом, 1903г.

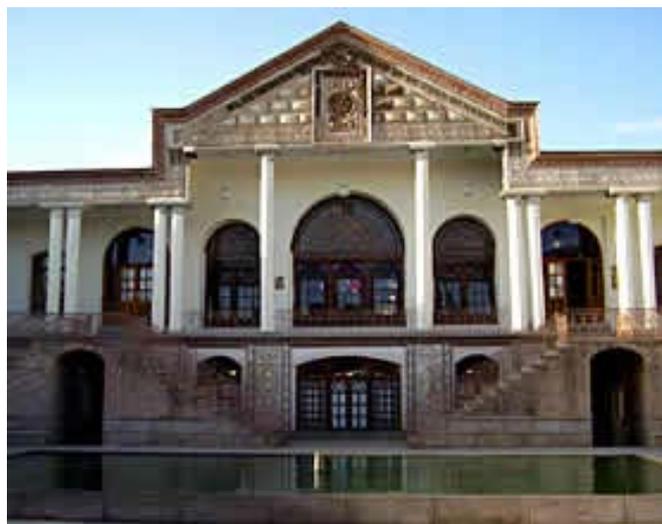
Поводом для этого приглашения послужило то, что Серайя Шапшал ещё со студенческих времён активно занимался общественной деятельностью, особенно много времени отдавая работе в мусульманском благотворительном обществе столицы, которое возглавлял тогда известный в высших кругах генерал, киргиз по происхождению, Султан-Гази-Вали-хан. Генерал по-отечески любил молодого способного караима, выгодно выделявшегося среди других своим умом, статью и культурой. Он сделал его своим помощником и часто брал с собой по делам общества в представительства мусульманских государств, в том числе посольств Турции и Персии. Поэтому, когда в посольство Персии пришла просьба Мохаммеда-Али подыскать ему преподавателя русского языка, то выбор персидского посланника Мирзы-Риза-хана Арфауда-Доуле сразу же пал на Шапшала, которого он хорошо знал и уважал. Побеседовав с ним и заручившись его согласием, посланник тут же направляет в Университет официальный запрос и вскоре получает на университетском бланке за подписью ректора прекрасную характеристику на Шапшала. Копия этой характеристики имеется в распоряжении автора статьи, и в ней очень красноречиво говорится о выдающихся успехах в науках, блестящих способностях, необыкновенном трудолюбии и высоких нравственных качествах молодого Шапшала.

Таким образом, после согласования всех

формальностей и собеседования в Первом (Азиатском) департаменте Российского Министерства иностранных дел С. Шапшал отправляется в далёкий путь через Кавказ в персидский Тавриз, куда и прибывает в январе 1901 г. в распоряжение Наследника (по-персидски Валиахда) Мохаммеда-Али.

Здесь стоит привести подробное описание старого Тавриза начала прошлого века, приведённое в книге о знаменитом дипломате и соратнике С.М. Шапшала А.Н. Введенском, который в 1906 г. прибыл в российское генеральное консульство в Тавризе и был определён на должность драгомана (переводчика).

Азербайджан (иранский) занимал 1/16 часть территории Персии, имея на западе общую границу с Турцией, а на севере на протяжении 600 вёрст (640 км), - с российским Закавказьем. Почти двухмиллионное население громадного края включало как различные тюркские и курдские племена, так и многочисленные общины ассирийцев и армян. Но трёхсоттысячное население Тавриза состояло, в основном, из мусульман-шиитов и считалось крайне фанатичным, в следствие чего местные христиане селились отдельно – в квартале Арменистан, на территории которого находилось и здание российского генерального консульства. Располагаясь в конусообразной котловине на реке Аджичай, окружённый холмами город насчитывал не менее 40 тысяч домов – преимущественно азиатской постройки, сплошь одноэтажных и с плоскими крышами, скрывавшихся за высокими глинобитными стенами, которые окаймляли его узкие, «коридорообразные», кривые улицы. В центре Тавриза высилась старинная цитадель, обнесённая стеной с бастиянами, которая использовалась в качестве арсенала. Здесь же находились вместительная казарма с плацем, дворец наследника шахского престола – Валиахда, многочисленные мечети и пять армянских церквей. Отсутствие городских площадей компенсировалось громадными крытыми базарами и двумя сотнями караван-

Летний дворец Мохаммеда-Али в Тебризе (ныне музей династии Каджаров)

сараев, а из числа европейских учреждений выделялись отделения русского Учётно-ссудного и английского Шахиншахского банков, пять иностранных консульств, американская духовная миссия и телеграф. Хотя за неимением канализации и ввиду большой скученности населения санитарно-гигиенические условия жизни в Тавризе оставляли желать много лучшего, он считался вторым по значению после Тегерана административным, политическим и торговым центром страны.

По отзывам современников, Наследник был корыстным, скупым, подозрительным, властолюбивым человеком, не терпевшим вмешательства в его дела и устранявшим из своего окружения каждого, кто пытался оказать на него влияние. Поэтому неудивительно, что поначалу Мохаммед-Али встретил Шапшала с недоверием и заключил с ним рабочий контракт всего на 1 год. Но вскоре умный, доброжелательный и терпеливый Шапшал, обладавший к тому же дипломатическим талантом и быстро освоивший местные обычаи, сумел расположить к себе ученика и заинтересовать его учёбой. Предметами их занятий стали не только русский язык, но также история, физика, экономика, культура и обычаи России. И уже через несколько месяцев Мохаммед Али подписал с Шапшалом новый, трёхгодичный контракт и стал давать ему различные поручения, в том числе и сугубо личные. Он настолько проникся уважением и благодарностью к Шапшалу, что уже весной 1902 г. исходатайствовал ему у шаха высокую персидскую награду – «Орден Льва и Солнца» 2-й степени, а потом предложил заключить новый дополнительный контракт на 10 лет.

Старая цитадель в Тавризе (разрушена русскими войсками в 1911 г.)

И вот тут Серая Маркович крепко задумался. Конечно, Наследник предоставил ему нормальное жильё, платил неплохое жалованье и всячески выказывал своё расположение. Кроме занятий с Наследником, Шапшал ещё устроился преподавать общеобразовательные предметы и русский язык в частное привилегированное училище Лукмание. Заниматься с детьми ему очень нравилось. А в свободное время он ещё как специалист-тюрколог собирал и изучал фольклор иранских азербайджанцев, начал собирать коллекцию мусульманских религиозных изображений и старинных восточных монет.

Старый дом консульства России в Тавризе (фото начала XX века)

Дом секретаря и нач. конвоя генконсульства в Тавризе 1913г.

Но оставаться в Персии на целых 10 лет Шапшал не планировал. И на то были веские причины. В окружении Наследника с самого начала к нему как к иностранцу относились подозрительно, отчуждённо и с завистью, тем более что он был караимского вероисповедания, а персы-фанатики сторонятся иноверцев, не едят с ними из одной посуды, избегают подавать им руку, стараются не прикасаться к их одежде.

100 лет назад на территории консульства был цветущий оазис

Старинная армянская церковь и школа, где бывал Серайя Шапшал

С другой стороны, в Персии складывалась напряжённая социально-экономическая обстановка, нарастали бурные политические и революционные процессы, проходили многотысячные демонстрации протеста против реакционной политики правительства и засилья в стране иностранцев.

В связи с этим у Шапшала не было желания подписывать контракт, откладываявший его возвращение на родину на долгие 10 лет. И он в который раз идёт в российское консульство, которое располагается в ближайшем пригороде Тавриза, и просит аудиенцию у генерального консула И.Ф. Похитонова. Они сидят с Иваном Фёдоровичем в его кабинете, удобно расположившись в мягких креслах, обшитых вишнёвым бархатом и отделанных позолотой, пьют кофе и подробно обсуждают все «за» и «против» предложения Мохаммеда-Али. И Похитонову удаётся, наконец, убедить Шапшала в чрезвычайной важности для России его особого положения при Наследнике и ценности той информации, которую он регулярно приносит генконсулу. И.Ф. Похитонов настоятельно рекомендует Шапшалу подписать новый контракт, и Серайя Маркович в конце концов соглашается с ним...

Бронзовая табличка при въезде на территорию бывшего консульства

Автор у стен дома бывшего консульства России в Тавризе

Теперь мы перенесёмся во времени на 105 лет вперёд, в тот недавний октябрьский день 2008 г., когда я ранним утром прибыл в современный Тебриз с единственной целью увидеть все те места, где жил и работал Серайя Маркович Шапшал, и постараться ощутить «аромат» того далёкого времени. В отличие от Шапшала я приехал в Тебриз не на лошадях со стороны Каспия, а из Тегерана на самом современном поезде, каждое купе которого оборудовано мягкими диванами, двумя столиками и парой телевизоров.

Меня встретил на вокзале работник консульства Николай Степанович Белашов, заранее предупреждённый о моём приезде звонком из посольства России в Тегеране, и на своей машине привёз на улицу Шахида Монтезари к воротам того самого российского консульства, которое множество раз посещал Шапшал на протяжении шести лет своего пребывания в Тавризе. Обширная территория площадью почти в 6 га в районе Маралан обнесена глухой стеной, за которой теперь шумит город и со всех сторон теснятся жилые кварталы малоэтажной, индивидуальной застройки. Когда-то российское генеральное консульство в Тавризе имело большой штат, и на его территории, кроме большого консульского дома, размещались различные постройки, включая конюшню и каретный двор, обширные огороды и сады, арык для их полива и даже бассейн с детской площадкой. Теперь это – громадный пустырь с заброшенным разрушающимся консульским домом, необитаемым уже последние 20 лет, и ещё одним небольшим современным двухэтажным гостевым домом, в котором живёт и работает Николай Степанович Белашов – полковник в отставке, бывший командир авиаполка. Он является фактически единственным представителем России на данной территории и её хранителем, т.к. российского консульства в Тебризе – этом третьем по величине промышленном городе Ирана – сегодня нет. Осталась лишь принадлежащая России земля с двумя постройками на ней, на которую претендуют городские власти Тебриза.

С большим волнением осматривал я старый консульский дом, стены которого видели молодого Шапшала. Я уже знал, что совсем скоро он будет окончательно снесён. Дом, построенный в XIX в. из маломерного местного кирпича, имеет размеры 33 м в длину, 19,5 м в ширину и высоту приблизительно 6 м. В доме общей площадью порядка 600 кв.м я насчитал 14 помещений различного назначения, включая небольшой зал для приёмов и различных праздничных мероприятий. Особенно впечатлил глубокий и обширный, со сводчатыми потолками, прохладный подвал. Возможно, в начале XX в., при Шапшале планировка дома была иной, но значительно измениться она не могла.

Самое интересное открытие я сделал вечером, когда мы сидели вдвоём с гостеприимным хозяином в прохладном холле гостевого дома, пили ароматный чай и строили планы на поездку в старую часть Тебриза. Здесь я обратил внимание на старинное кресло, в котором он сидел. Кресло выглядело очень богато. Все его деревянные части были покрыты позолотой, сидение и спинка обтянуты тёмно-вишнёвым бархатом. Оно резко выделялось на скромном фоне остальной стандартной мебели. Оказалось, что это кресло Белашиов случайно нашёл в подвале старого консульского дома и обновил его как реставратор. Это красивое кресло осталось единственным предметом из той замечательной обстановки дореволюционной эпохи, что окружала Серайю Шапшала в консульском доме. Вполне возможно, что именно в этом кресле он любил посидеть и расслабиться, поскольку во дворце Наследника была совсем иная обстановка и ему часто приходилось обходиться без мебели и сидеть на корточках или на ковре.

Кресло из дореволюционной эпохи, что окружала Серайю Шапшала в консульском доме.

Рано утром следующего дня мы поехали в бывшую загородную резиденцию шахского Наследника. Большой красивый парк с озером посередине расположился на склоне небольшой горы, откуда открывался великолепный вид на весь парк и недалёкий город, в окнах которого играли «зайчиками» лучи утреннего солнца. В центре озера на островке, к которому вела дамба с пёстрой от цветов аллеей, стояло довольно красивое, цилиндрической формы двухэтажное здание ресторана «Шах». На его месте когда-то и стоял загородный дворец Наследника. Больше всего меня поразило то, что в семь часов утра в воскресенье парк уже был полон людей, которые коллективно занимались, подобно китайцам, восточной гимнастикой, бегали трусцой или просто прогуливались семьями по берегу озера.

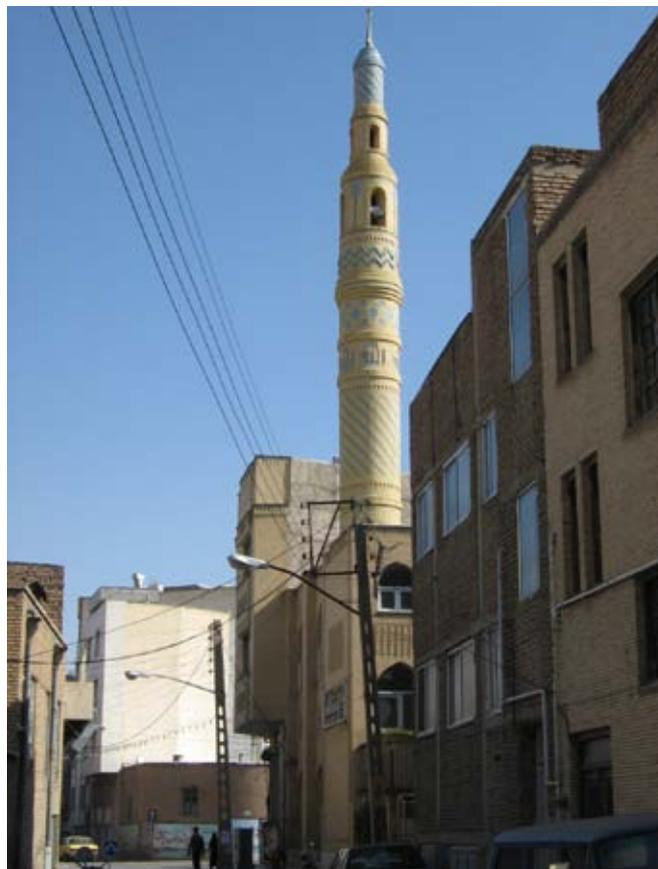
Парк Эль-Голи и ресторан «Шах» на месте загородной резиденции Каджаров

После посещения парка и знаменитого горного источника, где люди набирали в канистры чистой родниковую воду, мы поехали в центр города в гости к старой армянской женщине, которая родилась в России, помнила русский язык и добровольно служила единственному представителю России в Тебризе и гидом, и переводчиком, и советчиком в его хозяйственных делах. Она радушно приняла нас и согласилась показать мне старинные здания и другие достопримечательности города. И начали мы с армянского квартала, где когда-то сеиды (религиозные фанатики) устроили погром, ставший впоследствии одним из поводов для изучения Наследником русского языка, а следовательно, и приезда Шапшала в Персию. Ведь армяне тогда были под покровительством России и не случайно во время того погрома до тысячи армян нашли своё убежище именно на территории российского консульства. А Наследнику пришлось извиняться перед нашим консулом, заверять его в искренности дружбы с Россией и даже в желании изучать русский язык вместо французского. Сохранилась в армянском квартале старая армянская церковь и рядом с ней в одном дворе армянская школа, в которой наверняка бывал Шапшал. Но ворота оказались закрыты, и, чтобы разглядеть и сфотографировать эти старинные, красного кирпича здания, хозяйка предложила подняться на крышу её многоэтажного дома. Я с удовольствием принял её предложение и нисколько не пожалел, сфотографировав оттуда не только армянский храм и школу, но и великолепный вид на город.

Старый базар в современном Тебризе

А вот про училище Лукмание, в котором преподавал Шапшал, узнать ничего не удалось. Сохранилось ли его здание, не могли сказать даже молодые сотрудники современного Исторического музея Тебриза. Но от них я узнал, что дворец Мохаммеда-Али сохранился и в нём сегодня располагается музей династии Каджаров, 7 шахов которой 129 лет правили Персией. И мы поехали в бывший дворец, а затем на базар, который с тех пор почти не изменился, только стал ещё более многолюдным и шумным из-за нескончаемого потока автомобилей и мотоциклов, не спеша двигавшихся мимо старых рыночных строений.

Мечеть Мулла-Али-Акбар

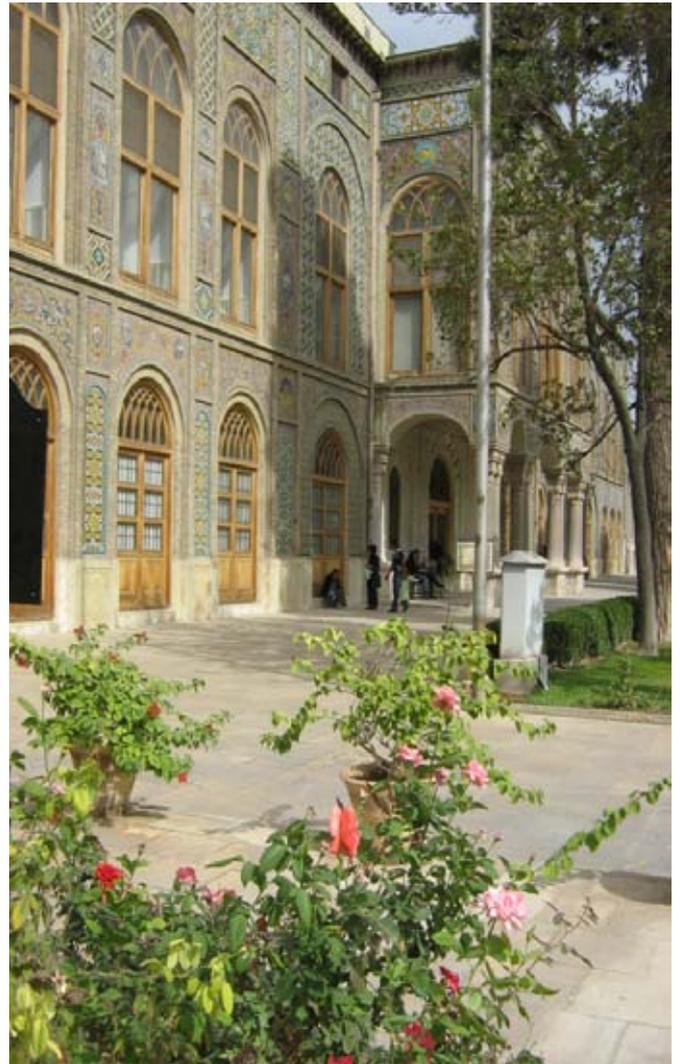
Видел ежедневно Шапшал и старые мечети: Мулла Али Акбар и Голубую мечеть, а также стоящее на площади и запоминающееся своей необычной архитектурой здание, похожее на дворец, с высокой башней с часами, в котором ныне располагается мэрия.

И вот уже на обратном пути, когда мы объехали чуть не весь Тегриз, мы проезжаем мимо масштабной стройки. Оказалось, здесь ведётся строительство самой большой в Иране мечети. Ясно представил себе, насколько грандиозной она будет смотреться через пару лет.

Незаметно подошёл вечер. Николай Степанович отвозит меня на вокзал. Расстаёмся друзьями. Впереди меня ждёт Тегеран, куда Шапшал переехал вместе с Двором Мохаммеда-Али в конце 1906 г.

...Заканчивался тяжёлый для Персии 1906 год. Страну непрерывно сотрясали забастовки, революционные события нарастали с каждым месяцем. От Музаффар-эд-Дин-шаха революционеры – в Персии их звали конституционалистами – требовали принятия конституции и созыва меджлиса (народного собрания). Но старый шах всё медлил с принятием основного закона. Он был тяжело, неизлечимо болен, подавить народное возмущение у него уже не было ни храбрости, ни силы воли. И поэтому он вынужден был учредить меджлис, торжественное открытие которого состоялось в его присутствии 7 октября 1906 г.

К концу года состояние шаха настолько ухудшилось, что в декабре он посылает в Тавриз своему наследнику Мохаммеду-Али депешу с просьбой прибыть в Тегеран для принятия дел по управлению страной. Наследник, давно и с нетерпением ожидавший этого момента немедленно собирается в путь. С собой в Тегеран он забирает верный свой Двор, включая Шапшала. Умирающий шах тут же назначает Мохаммеда-Али регентом

Вход в шахский дворец

*Коронационный зал в шахском дворце Голестан
(дворец роз)*

События в шахском дворце Голестан начинают развиваться буквально с калейдоскопической быстротой. 30 декабря Музаффар-эд-Дин-шах утверждает наконец Основной Закон, представлявший собой первую часть Конституции и состоявший из Положения о правах и полномочиях меджлиса. В соответствии с ним весьма существенно ограничивались права шаха.

Мохаммед-Али, став регентом, немедленно производит назначения на высшие должности своих преданных придворных. Серайя Шапшал получает титул Эдиб-Ус-Султан (Учитель Властителя), чин генерал-адъютанта и должность министра Двора, в обязанности которого входила организация церемониала приёмов и других торжественных официальных мероприятий в шахском дворце. И буквально через считанные дни Шапшалу пришлось вплотную заняться своими новыми обязанностями.

Мохаммед-Али шах

8 января 1907 г. умирает Музаффар-эд-Дин-шах. Шапшал возглавляет комиссию по организации его похорон. 11 января в коронном зале шахского дворца проходит торжественная церемония коронации Мохаммеда-Али, которую организует Сераяй Шапшал. Благодаря ему на коронации впервые присутствуют дипломатический корпус Тегерана и большая группа журналистов.

В дополнение к своим должностным обязанностям Шапшал становится доверенным лицом российского посланника в Персии Н.Г. Гартвига. Он помогает организовать неофициальную переписку посланника с шахом, устраивает им во дворце конфиденциальные встречи, посредством своих знаменитых коротких записок оперативно информирует Николая Генриховича о положении дел в шахском дворце и действиях шаха. А положение Мохаммед-Али-шаха с первых дней его правления оставалось весьма сложным и тяжёлым. Яркий сторонник реакционных, абсолютистских порядков - молодой шах повёл себя жёстко, пытаясь перейти в

наступление против меджлиса и конституционалистов, и даже готовился к военному перевороту. Но поднялась такая волна всеобщего возмущения и протеста (в Тавризе дело дошло даже до вооружённого восстания), что Мохаммед-Али-шах в итоге был вынужден уступить и специальным указом подтвердил своё согласие на введение в стране конституционного строя.

Однако затишье оказалось недолгим, и уже весной 1907 г. повсюду создавались энджумены (выборные советы) и добровольческие вооружённые отряды. «Масло в огонь» подливала многочисленная оппозиционная пресса. Противостояние шаха и меджлиса всё обострялось.

С. Шапшал, будучи одним из наиболее приближённых к шаху людей, помогавших ему удержаться у власти, оказался в самом эпицентре революционных событий и тем самым подвергал свою жизнь реальной опасности, что и показали последующие события. Революционные листки постоянно настраивали народ против Шапшала и других иностранцев.

Шапшал не сочувствовал крайним мерам шаха и, хотя он - монархист по убеждениям - не был сторонником молодого и во многом ещё несовершенного меджлиса, но и не мог поддерживать жестокую тиранию. Он был против многих средневековых порядков, царивших при шахском дворе и в стране. Однако как человек, преданный своему отечеству, Шапшал прежде всего думал о том, чтобы интересы России не пострадали в результате бурно развивавшихся революционных событий.

Сераяй Маркович постоянно находился при шаху. Он был рядом с Мохаммед-Али-шахом и во время загородной прогулки 28 февраля 1908 г., когда на шаха было совершено покушение. Террористы бросили в его экипаж две бомбы. Сам шах не пострадал, но 10 человек было ранено, а трое стражников и один прохожий - убиты. Сераяй Шапшал в этот трагический момент быстро организовал эвакуацию перепуганного шаха с места теракта и при этом повёл себя настолько мужественно и находчиво, что буквально спас жизнь Мохаммед-Али-шаха.

Здание меджлиса, обстреливавшееся войсками шаха

Н.Г. Гартвиг тут же сообщил в Петербург об отважном поведении Шапшала и ходатайствовал о его награждении. За проявленное мужество Шапшал был награждён орденом Св. Анны 2-й степени, а от Мохаммед-Али-шаха получил высшую награду Персии – орден Тимсале с портретом шаха, обрамлённым бриллиантами в драгоценной оправе.

Но на следующий же день после покушения на шаха Серая Шапшал подаёт Н.Г. Гартвигу прошение об отставке. Однако руководство в Санкт-Петербурге откладывает принятие решения по нему. А между тем конфронтация шаха и меджлиса всё более обострялась. Накалялась и обстановка в стране. После покушения шах ещё более активизировал свои действия против конституционалистов. В Тегеране по подстрекательству шахского двора вновь усилились бесчинства приверженцев шаха. В мае тегеранские энджумены, к которым присоединились оппозиционно настроенные к Мохаммед-Али-шаху каджарские принцы во главе со старшиной каджарского племени Азад-Эль-Мольком, предъявили шаху требование об удалении из его окружения шести наиболее преданных ему людей, в том числе и Шапшала. Поэтому Шапшал 22 мая, только что отметив своё 35-летие, подаёт второе прошение об отставке. Руководство, как и прежде, медлит с ответом. В эти критические для шахской власти дни ценнейшая информация, поступающая от Шапшала, постоянно находящегося при Мохаммед-Али-шахе, особенно интересует императорский двор и российское правительство.

обстрелу меджлиса, азербайджанский энджумен и даже мечеть, жестоко подавила сопротивление их защитников. Более 300 человек погибло от пуль и снарядов. Многие депутаты были арестованы, закованы в кандалы и брошены в тюрьму, где их подвергли изощрённым пыткам. Около 30 самых известных защитников меджлиса были привезены в цепях в загородную резиденцию шаха Багишах. Там над ними учинили жестокую расправу. По приказу Мохаммед-Али-шаха были казнены редактор популярной газеты, знаменитый оратор и другие лидеры движения конституционалистов

Старинная Сепасаларская мечеть, в которой укрывались восставшие

А события в Тегеране развивались, между тем, с катастрофической быстротой. Решив раз и навсегда покончить с конституционалистами, шах стянул к Тегерану верные ему войска. 22 июня он объявил в городе военное положение и приказал командиру персидской казачьей бригады полковнику Ляхову занять здания меджлиса и соседней Сепасаларской мечети, разоружив собравшихся там защитников конституции. Казачья бригада, подвергнув массированному артиллерийскому

Въездные ворота на старую площадь парадов

Шапшал с нетерпением ожидал приказа руководства об отставке. И вот, наконец, 7 августа из Санкт-Петербурга пришла депеша об увольнении Шапшала со службы в Тегеране. Контракт на 10 лет между ним и шахом был расторгнут, причём по вине последнего. Поэтому после трудных переговоров Шапшал получил значительную сумму неустойки. Закончив все финансовые и прочие дела, он начал готовиться к отъезду. Возможно, именно в эти дни была сделана знаменитая фотография, на которой Шапшал запечатлён в парадном мундире персидского генерал-адъютанта при всех своих наградах.

Эдиб-Ус-Султан хан Шапшал

Но отъезд из Тегерана не был для Шапшала таким торжественным, как эта генеральская форма. Посланнику поступила информация, что на Шапшала готовится покушение в Баку и ему следует предвосхитить нежелательное развитие событий, например, выехать из Тегерана на несколько дней раньше. Так предусмотрительно Шапшал и поступил, выехав из Тегерана на Мешедиссер на три дня ранее обусловленного срока.

Женитьба Шапшала – это ещё одна удивительная страница его биографии, связанная с именем шаха. Когда у жены Мохаммед-Али-шаха обнаружили катаракту и её необходимо было прооперировать, встал вопрос о хирурге-офтальмологе, который должен был быть не только прекрасным специалистом, но и обязательно женщиной, т.к. ни один мужчина не имел права прикасаться к жене шаха и видеть её лицо. Вера Эгиз – замечательный врач-офтальмолог работала в Одессе и Париже и была приглашена в Тегеран для проведения операции по удалению катаракты. После удачно проведённой операции шах решил облагодетельствовать незамужнюю караимку и «подарил» ей мужа в лице Сераи Шапшала, повелев им пожениться. Поскольку они нравились друг другу, сумасбродное благодеяние шаха помогло Шапшалу в будущем создать семью именно с Верой Эгиз. Официально свои отношения они оформили гораздо позже уже в зрелом возрасте в 1919 г. в Крыму и

оставались верны друг другу всю последующую долгую жизнь. Но детей, к сожалению, у них не было.

Так закончился персидский период жизни Сераи Шапшала, сыгравший важную роль в его судьбе и последующей карьере.

... Прибыв в Тегеран, я был озабочен прежде всего поиском какого-либо места временного обитания. На всякий случай я имел адрес местного православного храма, в котором настоятелем служил отец Александр. Но ехать туда в 8 часов вечера, не зная дороги в незнакомом чужом и тёмном городе, было поздновато. Вселяться в какой-либо столичный отель, не зная персидского языка фарси, тоже не очень хотелось. Неожиданно быстро благодаря счастливому стечению обстоятельств я оказался в гостинице, расположенной на территории российского посольства. Благодаря этому неожиданному везению я получил возможность общаться со своими соотечественниками на родном языке и советоваться с администрацией, помогавшей мне потом не только словом, но и делом.

Первым делом утром я отправился на поиски бывшего шахского дворца Голестан (Дворец роз). Ехать пришлось на метро, которое оказалось очень современным, удобным и бесшумным. Понятные схемы метрополитена встречались на каждом шагу с надписями по-арабски и по-английски. В каждом поезде есть вагоны, предназначенные только для женщин. На каждой станции, как и в самом городе, стоят фонтанчики-поилки с водой.

Наконец я добрался до шахского дворца. Он занимает территорию в несколько гектаров и представляет собой ряд невысоких зданий, непрерывной линией окаймляющих с трёх сторон большой сад с фонтанами, цветниками и бассейнами, в которых плавают лебеди. Сегодня в помещениях дворца располагаются семь музеев: мраморный тронный зал, бриллиантовый зал, все стены которого сплошь отделаны небольшими зеркалами, Аксхане с экспозицией старинных фотографий, павильон Шамс-ул-Эманех, картинная галерея, антропологический музей и библиотека. Я провёл во дворце полдня, посетив все музеи и отдыхая в саду. Причём, не зная, что в каждый музей надо покупать отдельный билет, я показывал известную фотографию Шапшала в парадной форме персидского генерала, объясняя, что это – мой дед, работавший здесь у Мохаммед-Али-шаха, и меня пропускали везде без билета, выказывая всяческое уважение. Везде я пытался найти хоть какой-то след Шапшала. Особенно меня интересовали мраморный и бриллиантовый залы, где я исхитрился сделать пару снимков “скрытой камерой”, т.к. везде было запрещено фотографировать интерьеры и экспонаты. Впрочем, это меня не удивило - такие же правила действуют в большинстве музеев мира.

Банк, в который часто заходил Шапшал

Удивился я чуть позже, когда вечером фотографировал старое здание медресы, беспощадно обстреливавшееся войсками и артиллерией шаха летом далёкого 1908 г. Сразу после съёмки ко мне подошли два вежливых солдата, и увидев в моих руках цифровую фотокамеру, предложили немедленно удалить из неё только что сделанные красивые кадры с ночной подсветкой колоннады медресы. Оказалось, что административные здания нельзя фотографировать ни днём, ни ночью. Но на следующий день я всё-таки снял знаменитый медресис, прячась, как профессиональный папарацци, за деревьями и киосками.

Дворец Голестан я покидал последним, когда за мной пришла охрана дворца, а я сидел на скамейке и пытался представить, как мимо идёт высокий и красивый 35-летний Шапшал. Конечно, в библиотеке дворца наверняка можно было бы найти в старых подшивках газет тех далёких лет имя Шапшала, но для этого требовалось много времени и, главное, знание персидского языка.

В 6 часов вечера я вновь окунулся в шум и суету старого города. В Тегеране быстро и рано темнеет. Разница во времени с Москвой составляет всего полчаса, но это был уже октябрь, хотя осень в нашем понимании ещё не наступила. Было сухо и жарко даже вечером. Но жажды не было, т.к. в саду дворца для посетителей везде стояли фонтанчики с питьевой водой. А вот каких-либо буфетов или кафе во дворце не было.

Дворец Голестан я покидал последним, когда за мной пришла охрана дворца, а я сидел на скамейке и пытался представить, как мимо идёт высокий и красивый 35-летний Шапшал. Конечно, в библиотеке дворца наверняка можно было бы найти в старых

Дворец Голестан я покидал последним, когда за мной пришла охрана дворца, а я сидел на скамейке и пытался представить, как мимо идёт высокий и красивый 35-летний Шапшал. Конечно, в библиотеке дворца наверняка можно было бы найти в старых подшивках газет тех далёких лет имя Шапшала, но для этого требовалось много времени и, главное, знание персидского языка.

В 6 часов вечера я вновь окунулся в шум и суету

старого города. В Тегеране быстро и рано темнеет. Разница во времени с Москвой составляет всего полчаса, но это был уже октябрь, хотя осень в нашем понимании ещё не наступила. Было сухо и жарко даже вечером. Но жажды не было, т.к. в саду дворца для посетителей везде стояли фонтанчики с питьевой водой. А вот каких-либо буфетов или кафе во дворце не было.

На следующий день я вновь отправился в старый центр города по шапшаловским следам столетней давности. Кроме медресы, я сфотографировал располагающуюся рядом с ним и занимающую целый квартал грандиозную Сенахсаларскую мечеть, в которой ровно 100 лет назад укрывались во время обстрела конституционалисты. От неё уже недалеко было до нашего дореволюционного посольства, куда приходил Шапшал к российскому посланнику Николаю Генриховичу Гартвигу. Ныне там располагается наше торговое представительство. Кроме старых высоких посольских стен, ничего от прошлого времени не осталось. Все постройки на его территории были уже советского времени. Также современным было и знаменитое здание самого посольства, рядом с которым я имел честь проживать и в котором проходила известная Тегеранская конференция 1943 г. с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля.

В начале XX в. его территория принадлежала некоему богатому иранцу, который заложил этот

Памятник А.С.Грибоедову перед зданием российского посольства. Фото 1912 г.

земельный участок Русскому Ссудному банку и не смог его потом выкупить. Таким образом он перешёл России. В 30-е годы на нём было выстроено современное здание с красивой колоннадой, известное всем по историческим фотографиям великой тройки и фильму «Тегеран-43». Это здание и мемориальный зал, где проходила Тегеранская конференция, любезно показал мне референт нашего посла. Его помощник провёл меня по посольскому саду, в котором на видном месте в окружении цветочных клумб стоит памятник А.С. Грибоедову. Он был убит в 1827 г. разъярённой толпой персов-фанатиков на территории прежнего российского посольства, где я побывал утром. Там и стоял изначально этот бюст знаменитого поэта и дипломата, выполненный известным скульптором Беклемишевым в 1912 г. Потом мой любезный гид сфотографировал меня на знаменитом крыльце посольского здания на том самом месте, которое помнило ещё следы и голоса великой тройки руководителей СССР, США и Великобритании.

Здание старого почтамта, в котором теперь располагается большой музей почтовой службы

Из старых зданий, которые видел и посещал Шапиал, я побывал в Империл-банке на центральной когда-то площади Тупхане и в здании почтамта, в котором ныне располагается интереснейший музей истории почтового дела. Не мог не посетить я и шахский алмазный фонд - музей, расположенный в глубоких подвалах Центробанка. Там я мог внимательно рассмотреть все те персидские награды, которые имел Шапиал, и другие драгоценности шахской сокровищницы, включая коронационный головной убор шаха. Напоследок прошёл я по площади парадов, на которой расположены красивые здания МИДа, национального музея, национальной библиотеки и других учреждений. На площадь, протянувшуюся почти на километр, ведут очень живописные въездные ворота.

Главный редактор – О.В. Петров-Дубинский
Зам. главного редактора – М.М. Казас
Члены редколлегии: И.М. Реброва, И.С. Симанчук,
Б.С. Таймаз

Вход в старый большой рынок, занимающий целый квартал

Вечер наступил неожиданно быстро. По дороге в гостиницу я заглянул ещё в сувенирный магазинчик и в антикварную лавочку, где приобрёл несколько серебряных шахских монет столетней давности в дополнение к двум монетам, что подарил мне сам Серая Маркович в Вильнюсе в далёком 1959 году.

Заканчивался последний день моего пребывания в Иране и интереснейшего путешествия по шапшалавским местам столетней давности.

...В 4 часа утра посольский автобус уже увозил меня и ещё несколько российских специалистов, покидавших Иран, в аэропорт на ранний утренний рейс Тегеран-Москва.

О. В. Петров-Дубинский

Такого Тегерана Шапиал не видел.
Новые районы на склоне гор

Вёрстка Г.А.Бабаджана (Симферополь)
Адрес для корреспонденции:
Россия 117393, Москва,
ул. Арх. Власова, д. 45, кв. 104, Петрову О.В.
Тел. 8 499 724 5962, e-mail: litavrus@mail.ru